

Л.М. Слобожанинова
Екатеринбург, Россия

ТВОРЧЕСТВО Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА С ПОЗИЦИЙ ГУМАНИЗМА

Аннотация: Рассматриваются общегуманистические проблемы творчества Мамина-Сибиряка. В рассказах «Аннушка», «Ранний батюшка», «Пустынька», «Сказание о хане Кучуме» и др. подчеркивается внимание писателя к образам людей из простонародья, защита художником прав малого народа на свою историческую память.

Ключевые слова: Д.Н. Мамин-Сибиряк, гуманистическая позиция, жанр рассказа, характерология.

L.M. Slobozhaninova
Yekaterinburg, Russia

MAMIN-SIBIRYAK'S CREATIVITY IN A HUMANISM CONTEXT

Abstract: The article considers the universal humanistic problems in Mamin-Sibiriyak's literary works. Analyzing some short stories, the author emphasizes Mamin-Sibiriyak's focus on the images of common people, his readiness to protect the rights of minor nationalities to their historical memory.

Keywords: D.N. Mamin-Sibiriyak, humanistic perspective, short story, character study.

Литературная критика начала минувшего столетия признавала безусловную талантливость Мамина-Сибиряка, однако не называла его в ряду общепризнанных литературных имен. Известный в то время Ф.Д. Батюшков следующим образом характеризовал развитие русской литературы последней четверти XIX века: вслед за романами Тургенева, Толстого, Достоевского, приобретших общечеловеческое значение, «выделилась литература, так сказать, областная, по частным категориям общества, описывались “уголки жизни” <...> вслед за Лесковым, бытописателем духовенства, выступают в тех же рамках Потапенко, Елеонский и др. Мамин-Сибиряк выдвинулся в особенности своими уральскими рассказами и знанием быта горнозаводчиков; Станюкович приобретает главную известность своими морскими рассказами; за ним в той же области следует Черняк. Значительное разнообразие типов и персонажей из разных слоев общества, но все же принадлежащих определенным бытовым условиям жизни среди степного хозяйства в определенной географической полосе, захватывающей Воронежскую и Тамбовскую губернии, представил талантливый автор “Записок степняка” и “Гардениных” – А.И. Эртель; в своем роде он тоже “областной писатель”. Альбов специализировался на изучении “маленьких людей” в столичной обстановке жизни и Баранцевич также ограничил круг своих наблюдений “мутной” атмосферой Петербурга в средних слоях общества и т.д. Литература раздробилась; широкая волна, спускаясь с гребня, разлилась струйками и ручейками, которые пробивались по отдельным заводям, захватывая, так сказать, отдельные уголки жизни» [Батюшков 1922: 47-48].

Как провинциального автора Мамина-Сибиряка воспринимает С.Я. Елпатьевский: «он был большой талант, и не однотонный талант, у него была большая палитра красок, – и все-таки он не имел должного успеха <...> никогда не создавалось шума около него, яростных споров, – шума, может быть, бесплодного, но неизбежно сопровождающего всякий успех. Да, в провинции любили, знали и читали,

и читали его; там спорили и обсуждали, но этот провинциальный шум не доходил до Петербурга и Москвы и не сказывался в столичных толках» [Елпатьевский 1962: 208–209]. Мамин-Сибиряк не вписывается в ту впечатляющую градацию, которую предлагает А.А. Измайлов: «Гончаровы, Писемские, Островские взглянули на русскую жизнь и рассказали о ней, что видели. Гоголь посмотрел на жизнь и засмеялся, и не все расслышали дрожь в его смехе. Салтыков наполнился гневом и поднял руку с проклинающим жестом. Тургенев мечтательно пожалел догорающую красоту разоренных дворянских гнезд, Чехов взглянул на русскую жизнь, пожалел ее и заплакал о том, что в ней больше всего достойно жалости – об оскорбленной и разбитой женской мечте, о пропиваемой русской талантливости, о недостижимости идеала и ранней потере радостей жизни.

Чехов был создан, чтобы стать певцом красивой русской тоски, безотчетной нашей печали, являющейся как бы шестым чувством русской души и составляющей ее великую прелесть. В такой цельности, полноте, красоте и силе никто из русских писателей не отдал себя этому настроению – ни Гоголь, ни Тургенев, ни Кольцов – и в этом право Чехова на крупное народное значение, позволяющее его имени по достоинству стать следом за великими именами нашей литературы» [Измайлов 1918: 272].

Надо полагать, что Горький, которого не смущала «провинциальность» Мамина, находит ключ к содержанию его творчества и вместе с тем одно из возможных направлений в его истолковании: «Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык. Почтительно и благодарно кланяюсь вам, писателю воистину русскому» [Воспоминания... 1936: 133]. Эти широко известные слова из приветственной телеграммы к 60-летию Мамина-Сибиряка нуждаются в комментарии.

Спору нет, для своего времени Мамин-Сибиряк был одним из самых эрудированных летописцев родного края. Ему был хорошо знаком Горнозаводской Урал, в первую очередь Екатеринбург и Демидовский горный округ; Пермский край и Сибирский

поход под предводительством атамана Ермака; губернская Пермь и Чердынская парма. Не раз и не два он проезжал по Верхотурскому тракту, бывал на Ирбитских ярмарках, лечился на кумысе в степной Башкирии и в казачьих оренбургских станицах; знал хлебное Зауралье, где жил его дед по матери, дьякон с. Попровского Ирбитского уезда; посещал старообрядческие скиты по глухим таежным углам, плавал на барках по Каме и Чусовой... Весь этот громадный материал, малоизвестный читателю средней полосы России, заметно обновлял русскую беллетристику последней трети XIX столетия.

По характеристике того же С.Я. Елпатьевского, Мамин «был стихийный и неоднозначный талант. На его палитре были всякие краски, у него есть юмор и лирика, суровая сила и огромная нежность, яркий быт и тонкие глубокие переживания» [Елпатьевский 1962: 202].

Добавим к сказанному: Мамин был непредсказуемым художником, который руководствовался не теорией, но глубинным чувством должного. Мало кто мог предположить, что через десять лет после исторического очерка «Покорение Сибири» Мамин напишет «Сказание о сибирском хане, старом Кучюме», где коварный Кучюм, злейший враг русских казаков станет «шекспировским героем». За Маминым – признание права побежденного народа на свою историю, даже если эта история сохраняется лишь в легендах, сказаниях, сказочной фантастике. По большому счету, это великодушие как национальная черта русских, которые, двигаясь на восток и на юго-восток от исконных русских земель, беря под свое крыло эти народы, ни один из них «не превращали в рабов. И более того, все нации и народности, оказавшиеся в Российской империи, сохранили свой язык, свои верования и обычаи. Конечно, платили инородцы ясак и другие подати, со временем стали поставлять рекрутов в русскую армию, но были угнетаемы не более чем простой русский мужик под Тамбовом или Вяткой или работный человек на уральских заводах» [Кердан 2005: 445].

В самом тексте взаимодействуют два мотива: всенародный плач по неисчислимым жертвам казачьего похода и «суд Божий, который никто не может остановить ни на одно мгновение»: «С жалобой бежит ветер по высокой степной траве, точно ищет кого-то и тоже стонет, как стонет по ночам Иртыш <...> Ближится день и час, когда по степным стойбищам, улусам и займищам горько заплачут тысячи татарок об убитых мужьях, отцах и детях, а на далекой русской стороне ответят им тем же матери, жены и дочери казаков» [Мамин-Сибиряк 1999: II, 119].

Тема исторической памяти рождает романтический сюжет о любви престарелого хана к юной красавице Сайхан-Долангэ, которой суждено продолжить кучумовский род. Здесь есть и волшебные заклинания, и фантастика, которые придают тексту особую красочность:

«...Вышла молодая ханша Сайхан-Долангэ на берег, переплыла пенящуюся реку на деревянном плоту и пошла в степь. Идет красавица ханша по степи, рвет траву и полными горстями бросает по

обе стороны. За ней идет шаман Кукджу и шепчет заклинания над сорванной травой.

– Ты видишь, что делает красавица ханша? – спрашивает Хан-Сеид.

– Вижу: ходит по степи да рвет траву...

– Смотри теперь, что будет дальше.

– Смотрю...

Долго ходила Сайхан-Долангэ по степи, пока не исчезла из виду. А посол все смотрит... Пропал вместе с ней и столетний шаман Кукджу. Тогда Хан-Сеид поднял обе руки кверху, закрыл глаза и дунул в степь. Свершилось великое чудо на глазах посла: зашевелилась сорванная трава как живая. Где-то ударили в большой бубен – и вышли большие люди; ударили в малые бубны – вышли простые джигиты. Сколько собрано было ханшей травы, столько вышло в поле и джигитов. Весело развеваются конские хвосты на высоких копьях, ржут кони, бьют бубны, а войско все прибывает... Насколько хватал глаз – везде из земли выходили джигиты. Страшно стало послу, а Хан-Сеид опять поднял руку кверху, дунул – и войско пропало.

– Иди в Искер и скажи своим воеводам, что видел своими глазами, – объявил ему Хан-Сеид. – Много еще силы у слепого хана Кучюма...» [Мамин-Сибиряк 1999: II, 145–146].

Не исключено, что Горькому импонировало в произведениях Мамина то уважительное отношение к человеку труда, которое не сводится к состраданию, жалости и даже восхищению его талантливостью. Мамин и Горький сходятся в признании за человеком из «простонародья» высокого уровня духовной жизни, в принципе равноправного с духовным миром героя-интеллекта. Неопровержимые аргументы дает стилистика, ибо стилистика «не обманывает». Маминские охотники, сплавщики, конные пастухи, лесные сторожа не косноязычат, не путаются в трех фразах, не засоряют язык псевдонародной лексикой, к которой охотно прибегают беллетристы «второго ряда», в том числе известный в свое время Иван Горбунов. Речь Елески Шишмаря, где нет ни одного слова, выпадающего из народного лексикона, – своего рода «цельное мирозерцание», уходящее своими истоками к мифологическим представлениям о родственности всего живого на земле. Вот как делится Елеска своими редкими радостями с заезжим приказчиком: «У меня по весне праздник бывает, милый человек, когда с теплого моря птица прилетит. И сколько ее летит: туча. По Студеной-то точно ее насыпано... Всякого сословия птицы: и утки, и гуси, и кулики, и чайки, и гагары... Выйдешь на заре, так стон идет по Студеной. И нет лучше твари, как перелетная птица: самая божья тварь... Большие тыщи верст летит, тоже устанет, затощает и месту рада. Прилетела, вздохнула денек и сейчас гнездо налаживать... А я хожу и смотрю: мне бог гостей прислал. И как наговаривают... Слушаешь, слушаешь, инда слеза проймает. Любезная тварь – перелетная птица... Я ее не трогаю, потому трудница перед Господом. А когда гнезда она строит, это ли не божецкое произвольенье... Человеку так не соорудить. А потом матки с выводками на Студеную выплывут... Красота, радость... Плавают,

полощутся, гогочут... Неочерпаемо здесь перелетной птицы. Праздником все летечко прокатится, а к осени начнет птица грудиться стайками: пора опять в дорогу. И собираются, как люди... Лопочут по своему, суетятся, молодых учат, а потом и поднялись...» [Мамин-Сибиряк 1981: 430–431].

«Сопричастность всему живому» – отличительная черта всех маминских «народных философ». Это дьячки Фотич (рассказ «Лес») и Николай Матвейч («Зеленые горы»), сторож Сохач («На Сайме»), сплавщик Яшка («Вольный человек Яшка»), сапожник Митрич («Пустынька»), конный пастух Макарка («Макарка»). Отголоски древнейших представлений об одушевленности дерева сохраняются в поведении висимского дьячка Николая Матвейча. Он и по лесу ходил не так, как другие. «По дороге старик всегда приводил в порядок буйную горную растительность, – тут сухарина (сухое дерево) пала и придавила молодую поросль, там снегом искривило, там скотина подломала. Надо помочь молодым расти, а то зря погибнут. У старика были тысячи знакомых молодых деревьев, которым он спас тем или другим образом жизнь. Он заходил навестить их, как своих воспитанников, и торжественно любовался» [Мамин-Сибиряк 1951: 123]. Отсутствие интеллектуальной среды восполняется постоянным общением с природой. В структуре малого жанра кульминационными становятся те эпизоды-сценки, где равноправными действующими лицами выступают человек и животное: в «Зимовьи на Студеной» Елеска *оплакивает* своего верного друга Музгарку; в рассказе «Последняя треба» поп Савелий, который спешит к умирающей женщине, *угваривает* норовистую Лысанку выдернуть сани из сугроба; в рассказе «Емеля-охотник» возникает своего рода «диалог» между охотником, который хочет порадовать заболевшего внука «желтеньким олененком», и маткой-оленихой, самоотверженно защищающей своего детеныша.

Поэтические страницы маминской прозы не снимают вопроса о полярности русского человека. «Пестрый народ», заселявший Урал со времен Ермака, приносит с собой отличительные черты великорусского типа, в том числе присущую ему антиномичность. «Для русских характерно совмещение и сочетание антиномических, полярно противоположных черт. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ с одинаковым основанием можно характеризовать как государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, как народ, склонный к национализму и национальному самомнению, и народ универсального духа, более других способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный» [Бердяев 1990: 15].

Представление об антиномичности, воплощенное в классических типах Достоевского, Мамин-Сибиряк без какой-либо к тому нарочитости переносит в простонародную среду. Злое начало как порождение «неустанной работы, творящейся в неведомых глубинах души человека» [Мамин-Сибиряк 1951: 321], непредсказуемо и необъяснимо. Дедушка

Антон убивает лётного «из-за репки». Это было проявлением «специально деревенской жестокости, бессмысленной и зверской, как всякое стихийное зло» [Мамин-Сибиряк 1983: 180]. Разъяренные мужики из той же уральской деревни в поисках виновного при пожаре бросают в огонь беззащитного Ивана Несчастной Жизни, от которого «не осталось даже косточек». А «Иосиф Прекрасный через день от полученных на пожаре побоев умер в кабаке Родьки Беспалого» [Мамин-Сибиряк 1983: 201].

Напрасно пролитая кровь требует покаяния и отмщения, в то время как «неразвязанный» грех создает туиковую ситуацию. «Бог простит, суд не осудит, да я сам себе не прощу» – эту психологическую драму Феди Протасова из пьесы Льва Толстого «Живой труп» Мамин-Сибиряк также привносит в народную среду. Отсутствие наказания оказывается хуже всякого наказания. Сплавщик Савоска, «по наущению» прикончивший злого разбойника Федьку, напрасно надеется избыть душевную тяжесть в вине и песне:

«Ходил я к одному старцу, советовался с ним... – глухо заговорил Савоська. – Как, значит, моему горю пособить. Древний этот старец, пожелтел даже весь от старости... Он мне и сказал слово: «Потуда тебя Федька будет мучить, покуда ты наказание не примешь... Ступай, говорит, в суд и объявись: отбудешь свою казнь и совесть найдешь». Я так и думал сделать, да боюсь одного: суды ныне милостивы стали – пожалуй, без наказания меня совсем оставят... Куда я тогда денусь?» [Мамин-Сибиряк 1983: 336–337; анализ образа сплавщика Савосьяна Кожина см.: Блажес 2002].

Мучается своим преступлением Дарья Семеновна, из ложной ревности отравившая бесприютную Аннушку (рассказ «Пустынька»). По ночам «ей казалось, что в лесу кто-то крадется осторожными шагами... И не мужские шаги, а женские. Это была она... Да, ее непокаянная душенька бродила по лесу. В детстве Дарья Семеновна слыхала от старух, как тяжело душа расстается с телом и потом сорок ден не может найти покоя <...> Дарье Семеновне делалось страшно, а по спине бежала холодная дрожь» [Мамин-Сибиряк 1915–1917: XII, 402]. Не помогает чистосердечное признание. Суд не находит в случившемся состава преступления, а Дарью Семеновну врачи признают «впавшей в малолурие», само же дело об отравлении Аннушки вторично «предают воле Божьей» [Там же: 407].

Полярно противоположные черты русского характера Мамин-Сибиряк обнаруживает в старообрядчестве. Своего рода программное значение приобретает «канун на помин души», который в рассказе «Великий грешник» (1893) читает раскольничий архиерей Кирилл. С одной стороны, присущая старообрядцам чистота нравов, трудолюбие, трезвость, стойкость, с другой – слепое поклонение старине, граничащее с отрицанием культуры и цивилизации. В число антихристовых деяний попадают и распущенность, и современная техника, облегчающая труд человека. «...А там мать стыдится зачатого в утробе младенца и девица не знает своего девичьего стыда... Всенародно бесоугодные пляски творятся

оголенным женским полом <...> И еще скажу другое дело: работать никто не хочет... Все боярили бы да легкий хлеб ели. Машинами хотят леность свою утешить: машина пусть работает, а я буду песни петь да радоваться. Да... Тут тебе беси слова твои по проволокам волокут, тут тебе беси машинами ворочают, тут беси в зломерзкие трубы переключаются, визжат неистово, огонь с неба низводят...» [Мамин-Сибиряк 1915-1917: XI, 399].

Свой «приговор» фанатизму старообрядчества Мамин выносит в рассказе «Сибирские старцы, кухарка Агафья и гражданин Рихтер» (цикл «Медовые реки», 1900). По вине скитского старца Матвея погибает кухарка Агафья, одна из тех редких русских женщин, которых манило пустынножителство в горной глуши, жажда подвига, страстное желание стряхнуть с себя «всякую житейскую скверну». Она верила всему, хотя образованный доктор Рихтер не улавливал в бессвязных речах старца истинной святости, которая покоряла в раскольничьем архиерее. Вместе с тем, к своему удивлению, доктор испытывал «нечто такое особенное, чему нет названия, но что неотразимо действовало на душу». Исторические параллели позволяют Мамину представить фантастическую приверженность к той или иной системе догм как устойчивую черту национального типа. Вероятно, такой же «гипнотизирующей логикой» обладали «Стенька Разин, Гришка Отрепьев, Емельян Иваныч Пугачев, “изящный скиталец” протопоп Аввакум и другие вожаки и коноводы, потому что за шелухой их ненужных иногда слов чувствовалась стихийная сила, та почвенная поемная вода, которая неудержимо подмывает самые крутые берега и крушит все на своем властном пути» [Мамин-Сибиряк 2008: 273].

Поздний Мамин по-особому щедр в обнаружении отличительных черт русского человека. «У святых могилок» (1900) – не столько рассказ, сколько «эскиз», по определению самого автора, зарисовка, диалог двух случайно встретившихся в дороге людей. Здесь нет противопоставления каких-то позиций и вместе с тем дается представление об исторически значимых психологических типах. ...Где-то в Барабинской степи, у прохладного ключика вблизи мусульманских святынь встречаются отставной сибирский исправник Платон Шмаров и рязанский мужичок Мосеич, который «ходком» пробирается на Алтай. У каждого своя забота. Российского мужика одолевает малоземелье: «Мы, значит, господские были, ну, земли умаление, лесу ни-ни, скотинке негде пастись. Из последних сил, значит, вышли. Не у чего стало жить окончательно. Ну и решили переселиться в Сибирь» [Мамин-Сибиряк 2008: 382-383]. Посланный от деревни ходок Силантый, «умственный» и «смышлястый» мужик, пишет своим сельчанам, что земля там, в Сибири, «овчина овчиной, что касаемо травы – человека не видать, земли неочерпаемо, скотина ни по чем...» [Там же: 382].

Сибирский исправник мечтает о возвращении к должности и рассчитывает на помощь тетки, «полной генеральши», которая живет в Петербурге. «Как приеду в Санкт-Петербург, сейчас к тетке...

<...> ...она словечко полному генералу, а полный генерал, конечно, сейчас все поймет и скажет: “Почему вы, господин Шмаров, не обратились ко мне раньше?” <...> И сейчас этакую записочку в департамент, где мое дело разбирается, а там уж у всех ушки на макушке. – “Пожалуйста, господин Шмаров... Извините, что немного заставили подождать”. <...> А главное: тетка... У нее два каменных пятиэтажных дома в Санкт-Петербурге, восемь имений в разных губерниях, половина реки Невы ей же принадлежит, а наследник-то, выходит, я один... Х-ха!..

Бывший исправник окончательно заврался, заврался до того, что сам начинал верить себе. Тетка у него, действительно, была в Петербурге, но скромно жила на Петербургской стороне, занимая меблированную комнату» [Там же: 387-388].

По рождению и воспитанию Мамин-Сибиряк принадлежал к тому поколению шестидесятников-разночинцев, которое оставило по себе добрую память. В речи на юбилее газеты «Русские ведомости» (1913) Иван Бунин говорил: «Этот “разночинец” странствовал, спивался, страдал, болел, но это была другая болезнь. Это были муки совести, сердца, – и вы знаете, что это сердце бывало порою поистине “золотым сердцем”» [Бунин 1915: 316]. У Мамина было «золотое сердце» – в любви к «отецкой дочери» Аленушке, в постоянных заботах о матери, сестре, внимании к братьям. В семье отца будущий писатель усваивает уроки сострадания, в первую очередь, к детям, занятым недетским трудом (известные рассказы «Вертел», «Кормилец»).

В петербургский период в творчестве Мамина появляются типы из столичной бедноты: кормилица в богатом доме, наряженная в шутовской «мамашный» сарафан, кокошник, стеклянные бусы, и брошенный ею ребенок, который чаще всего погибает в чужих, недобрых руках; дети из петербургских подвалов, которые не знают другой «природы», кроме каменного двора-колодца, где не растет ни единого деревца, ни единого кустика. О питерских «низах» писали многие, однако, пожалуй, лишь Мамин-Сибиряк привносит в литературу 1890–1900-х годов внимание к духовным возможностям человека из «простонародья» (термин, принятый в литературно-критической среде того времени). Кучеру Спиридо-ну и старой няньке Аграфене Карповне Мамин доверяет воспитание «благородного русского юношества» (рассказ «Профессор Спирька»). Эти простые люди открывают детям генерала Башилова увлекательный мир народной демонологии: оказывается, в доме есть домовая, хотя его никто не видел; в старой бане на огороде видели ведьму, в реке живут русалки, а в лесу — веселый и придурковатый леший. Особенное впечатление на Чарли (Бориса) и Бетси (Лизу) производит рассказ Спирьки о добром угоднике Паисии.

Облагораживается давний литературный тип «обманутой девушки». Молоденькой горничной Авдоть Семеновне достает деликатности и житейского опыта, чтобы отказаться от заманчивого предложения швейцара Андрея Ивановича. «Она долго стояла у ворот, провожая его глазами. Ей и жаль

было его, и обидно, что все так вышло. Прожила бы и она за таким мужем, не хуже других... Посовестились она чужой век заест: теперь одно говорит, а одумается, так и другое найдет. Девичью вину мужья-то не умеют забывать... А, главное, девочку жаль: теперь у нее хоть мать есть, а тогда хуже чужой будет. Братья да сестры потом выкорят нехорошим словом... Смахнула Авдотья Семеновна дешевую бабью слезу и ушла в свою избушку» [Мамин-Сибиряк 1915-1917: III, 326].

Маминские обитатели столичных подвалов обеспокоены не только куском хлеба. Трогательный союз между «здоровенным» сапожником Гаврилычем и обезножившим мальчиком, которого здоровые дети по горькой иронии кличут «господином Скороходовым», возникает на «духовной почве». Гаврилыча поражал необыкновенный ум ребенка. «Кажется, все-то на свете он знал и так удивительно хорошо умел рассказывать обо всем. Слушая своего маленького друга, Гаврилыч чувствовал себя ужасно глупым и темным человеком. Ничего-то, ничего он не знал, а вот мальчонка так все превзошел. И насчет звезд, и насчет разных стран и насчет городов иностранных, и про войны, и про всяких полководцев». А мальчику нравилась та непосредственность, с которой Гаврилыч относился ко всему: «он так хорошо умел слушать и так увлекался всем» [Мамин-Сибиряк 1999: I, 276].

«Господин Скороходов» – грустная и светлая история коротенькой жизни. В образе не по годам развитого ребенка нет какой-либо искусственности. По воспоминаниям современников, Мамин знал среду типографских рабочих, в которой встречались широко начитанные люди. Первый и единственный выезд «господина Скороходова» за пределы каменного Петербурга стоил ему жизни.

Читатели 30–90-х годов прошлого столетия, за редким исключением, знали «усеченного» Мамина. По идеологическим соображениям не публиковались его произведения с православной тематикой. Между тем, воспитанный в семье верующих родителей, Мамин-Сибиряк не причастен к дехристианизации, захватившей, по наблюдениям философа Николая Бердяева, какую-то часть русской интеллигенции еще со времен Белинского. Мамин был убежден, что девятисотлетняя (к концу XIX века) история христианства на Руси не могла не оставить следов в духовной жизни народа. Так, русский человек страшится умереть без церковного покаяния. На этом построен не переиздававшийся в советское время рассказ «Исповедь». Кстати, это первое произведение писателя, переведенное на европейский (французский) язык. Правда, тот же русский мужик в силу характерной для него антиномичности охотно слушает и сочиняет «срамные» анекдоты «про попа, попадью, да попову дочку». При всем том «поп, толоконный лоб», деревенский дьячок – тупица и пьяница – фигуры не маминские. Писателю близок дьячок – мастер на все руки, как дьячок Арефа в повести «Охонины брови», висимский дьячок Николай Матвеевич, охотник и философ (рассказ «Зеленые горы») и близкий им деревенский дьячок Матвей Иваныч в рассказе «Старая реформа».

Благородный пример отца подсказывает Мамину образ доброго пастыря, необходимого людям при крещении, венчании, в трудных обстоятельствах или при начале большого дела. Гуманистический смысл православного обряда исповеди полнее всего раскрывается Маминим в рассказе «Последняя треба». Покаяние и отпущение грехов необходимо умирающему как оправдание его жизни, после чего он не уходит в «никуда», но, согласно христианской философии, приобщается к великой гармонии Вселенной.

«Последняя треба» – характерный для Мамина рассказ с малым числом действующих лиц, строго отобранными бытовыми деталями и стремительным развитием событий. ...Отложив все другие дела, поп Савелий из глухой деревушки Полома едет в еще большую глушь – на лесной кордон, где после родов умирает жена лесника Евтропа. Занесенная снегом дорога трудна, так что даже выносливая Лысанка не вывезет двоих, и поп едет один.

В избушке лесника поп Савелий подошел к больной. «На него апатично глянуло остановившимися глазами мертвенно-бледное лицо. Жизнь едва теплилась, и только в глазах еще мелькало сознание. Говорить больная уже не могла. Поп Савелий знал, что она умрет тотчас же после исповеди и что ее поддерживает только жажда получить последнее напутствие. Большинство так: дождутся попа и помрут» [Мамин-Сибиряк 1999: II, 168]. Последующий диалог «поп Савелий и девочка» раскрывает философский смысл происходящего: умирает женщина-мать, подарившая миру новую жизнь, а семилетняя девочка с ответственностью взрослой берет на себя заботу о младенце. Потрясенный увиденным поп «не чувствовал, как у него по лицу катились слезы. Господи, какая ночь, и какое вечное чудо творится кругом нас каждый час и каждую минуту, и как мы не замечаем этого чуда... Разве жизнь кончается хотя бы на одно мгновение?.. Вот и в этой девочке та же премудрость Божия, которая научает птицу вить свое гнездо, дикого зверя пестовать своих детенышей и несмышленного младенца заменять мать» [Там же: 169].

Жизнь в столице не сближает Мамина-Сибиряка с рабочим движением и социал-демократией. Он остается просветителем, демократом и гуманистом. Никаких социальных проблем нет в рассказе «Ранний батюшка» – есть простое человеческое сострадание. Читателя трогает история старенького отца Ивана, преданного своим разбогатевающим сыном. Похоже, писатель принимает лишь одну форму бунта – это бунт женщины против домашнего деспотизма. Эмансипация, как порождение эпохи 1860-х годов, затронула какую-то часть разночинной и дворянской интеллигенции, однако не повлияла на судьбу простой русской бабы. Лишенная материальных прав, она все также остается во власти мужа. В крестьянских семьях баба «виновата во всем», на ней вымещаются любые неудачи, она «виновата» и тогда, когда сама оказывается жертвой насилия. Как раз об этом написан удивительный по глубине постижения нравов оренбургской казачьей станицы рассказ «Бабий грех».

Чтобы отстоять себя, русские женщины и девушки, которые страшатся замужества, уходят, по Мамину, не в революционное движение, но в монастырь. После неожиданной смерти деспота-мужа героиня рассказа «Я... я... я...» поселяется в Девьей обители. Смышленная работящая Фимушка скоро приживается в монастыре, приобретает известность «блажененькой» и «прозорливицы», однако не обретает христианской кротости. Тех деревенских баб, которые приходят к ней за сочувствием, она обрывает на полуслове: «А вы больше терпите, глупые, пока дух не вышибли. Видно, мало вас бьют мужья-то» [Мамин-Сибиряк 1915-1917: XII, 540]. Всех бесов, «приставленных к человеку», она считала тысячами и олицетворяла их в «мужеское поле». Когда в монастыре наступали моменты раскаяния, Фимушка одна оставалась нераскаянной. В ней затаилась неистребимая ненависть к мужику, сосредоточившаяся на этом последнем пункте, как в фокусе. «Все баба, как баба, а как увидела мужика – и остервенилась» [Там же: 541]. Если это протест во имя личности, то самый дикий, неуправляемый, на какой бывает способен русский человек.

Творчество Дмитрия Наркисовича Мамин-Сибиряка подтверждает способность реалистического метода к непрерывному обновлению характеров-типов и модификации системы жанрово-стилевых форм. Наряду с Чеховым, Куприным, Короленко Мамин удерживает высокий уровень реализма, достигнутого русской культурой к концу XIX – началу XX столетия. Вместе с тем творчество этого писателя нуждается в последовательной деидео-

логизации, в непредвзятом изучении всего написанного этим неоднозначным и сложным художником.

ЛИТЕРАТУРА

- Батюшков Ф.Д.* В.Г. Короленко как человек и писатель. – М.: Задруга, 1922.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт. изд. – М.: Наука, 1990.
- Блажес В.В.* Поэтическое в очерках «Бойцы» Д.Н. Мамин-Сибиряка // Известия Урал. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. – 2002. – №. 5(24). – С. 57-66.
- Бунин И.А.* Полн. собр. соч.: в 6 т. – Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. – Т. 3.
- Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке. – Свердловск: Свердл. обл. изд-во, 1936.
- Елпатьевский С.Я.* Д.Н. Мамин-Сибиряк // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1962.
- Измайлов А.А.* А.П. Чехов: [критико-биограф. очерк] // Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 23 т. – Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1918. – Т. 22.
- Кердан А.* Соч.: в 3 т. – Екатеринбург: Сократ, 2005. Т. 3: Берег отдаленный: исторический роман.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Поздняя проза. – Екатеринбург: Сократ, 2008.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: в 12 т. – Свердловск, 1951. Т. 12.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1981. Т. 6.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч.: в 2 т. – М.: Русская книга, 1999.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Уральские рассказы: в 2 т. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. Т. 1.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915-1917.

Данные об авторе:

Лидия Михайловна Слобожанинова – кандидат филологических наук, доцент, почетный ветеран Уральского государственного университета, автор книг о П.П. Бажове и цикла статей о Д.Н. Мамине-Сибиряке.
Адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

About the author:

Lidia Mikhailovna Slobozhaninova, PhD, author of many books devoted to P.P. Bazhov and a series of articles about literary works by D.N. Mamin-Sibiriyak.